

ВООРУЖЕНИЕ И ТАКТИКА ВАРВАРСКИХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.Н. ЩЕНДРЫГИН

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: silence_era@mail.ru

В данной статье рассматриваются малоизученные в отечественной историографии вопросы, связанные с развитием вооружения и тактики варварских народов Западной Европы раннего Средневековья. Предпринята одна из первых попыток дать целостное представление об особенностях этих важнейших аспектов военного дела германцев 2-й половины I тыс. н.э., показать их взаимосвязь и взаимозависимость.

Ключевые слова: Европа в раннем Средневековье, история военного дела, германские народы раннего Средневековья.

Не подлежит сомнению, что для варварских народов раннего Средневековья, война являлась чрезвычайно значимым феноменом их «повседневности». Однако специализированных работ по военному делу варварских народов раннего Средневековья в отечественной историографии нет. Отдельные аспекты этой проблемы рассматриваются как составная часть более широких исследований¹.

Долгое время в науке было принято представлять вслед за античными авторами германцев полуголыми дикарями в шкурах, вооруженных дубьем.² Сегодня эта точка зрения осталась в прошлом. Как отмечал А.Я. Гуревич, «в отдельных районах Германии до 80 % мужчин были похоронены с железным оружием».³

По материалам погребений можно выделить три основных типа наборов оружия: богатые воины помимо кольчуги или чешуйчатого панциря и шлема (самым распространенным из них был т.н. Spangenhelm), имели щит (обычно круглый, с диаметром до 1 м, хотя в первые века нашей эры германцами использовались и продолговатые щиты) с металлическим умбоном⁴, меч, нож-сакс⁵, боевой топор и тяжелое копьё с мощным наконечником и несколько дротиков. Воин среднего достатка вооружался щитом, копьем, несколькими дротиками, мечом или скрамасаксом и топором и нередко имел шлем. Во всяком случае, скандинавские материалы дают немало шлемов, тогда как кольчуги даже в плохо сохранившемся, фрагментарном виде встречаются редко.⁶ Наконец, бедные воины имели щит, копьё, несколько дротиков и

¹ См., например: Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998; Мусин А.Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005; Стефанович П.С. «Дружина» в древнейшем русском летописании // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 6-51 и др.

² Даже крупные историки, такие, как Э.А. Томпсон, не устояли перед соблазном воспользоваться этим стереотипом (См., например: Tompson E.A. Early Germanic Warfare // Past and Present. № 14. Nov. 1958. P. 3-4). Правда, говоря о «бедности» германцев на железное оружие, Томпсон осторожно оговорился, что эта «бедность» заметна при сравнении с римскими стандартами (Ibid. P. 3).

³ Гуревич А.Я. Аграрный строй варваров // Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007. С. 33, 43-44. См. также: Дряхлов В.Н. Войны германских племен с Римом в III в. и их влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне // Вестник древней истории. 1987. № 2. С. 156-157.

⁴ См., например: Harrison M. Anglo-saxon thegn 449-1066 A.D. Oxford, 1993. P. 13; Harrison M. Viking Hersir 793-1066. Oxford, 1993. P. 48; Macdowell S. Germanic Warrior 236-568 AD. L., 1996. P. 55; Wilcox P. Rome's enemies: Germanics and Dacians. L., 1982. P. 11. Ср.: Каинов С. Древнерусские щиты X века // Цейхгауз. 2002. № 2 (18). С. 4, 6.

⁵ Длиной до 50 см., т.е. не уступающему по этому параметру традиционному вооружению римского легионера – мечу-гладиусу. См. например: Bishop M.C., Coulston J.S.N. Roman Military Equipment. L., 1993. P. 71; Wilcox P. Op.cit. P. 11-12.

⁶ См., например: Harrison M. Viking Hersir... P. 46-48.

топор.⁷ Конечно, в зависимости от времени, места и прочих обстоятельств набор наступательного и оборонительного вооружения мог сильно варьироваться, однако некоторые его компоненты, такие, как щит, топор и копьё, были чрезвычайно широко распространены.

Несколько сложнее обстояло дело с луком. В том, что германцы были хорошо знакомы с ним – нет сомнения. Наконечники стрел, да и сами луки, обычные и композитные, неоднократно встречались в погребениях.⁸ Позднеантичные и ранневизантийские источники также неоднократно упоминают о применении лука германскими воинами (*Agathias*. I. 9; *Amm. Marc.* XVI. 43, 46; *De bello Gotico*. I. 18). Хорошими лучниками были викинги, о чем свидетельствует, к примеру, описание битвы при Стэмфордбридже между англосаксами и норвежцами.⁹

Однако анализ источников позволяет сделать вывод о том, что из-за своего героического этоса германцы недолюбливали лук, считая его «неблагородным» оружием. Во всяком случае, король готов Тотила бросил своих воинов в атаку против византийцев при Буста Галлорум, приказав им не использовать никакого иного оружия, кроме копий (*De bello Gotico*. IV. 32). Схожий приказ отдал своим воинам и вандальский король Гелимер (*De bello Vandalico*. II. III. 9). Несколько ранее тот же Прокопий Кесарийский описывал вандалов как преимущественно конных копейщиков (*De bello Vandalico*. I. VIII. 27). Не упоминает луков и Агафий Миринейский (*Agathias*. I. 21; II. 5, 9), равно как молчит о франкских и лангобардских лучниках Псевдо-Маврикий. Не менее примечательно и то, что в Англии, среди англосаксов, где архаичные формы военного дела сохранились дольше, чем на континенте, лук также не был в почете.¹⁰ Наконец, Павел Диакон сообщал, что у лангобардов рабам при освобождении наносили ритуальную рану именно стрелой и не потому ли, что только рабу было достойно сражаться луком и стрелами, тогда как настоящему мужу – копьем или мечом? (*Historia langobardorum*. I. 13). Капитулярий 726 г. лангобардского короля Айстульфа прямо предписывал, чтобы «...**богатые и сильные пусть имеют кольчугу и коней, щит и копьё**; следующие по богатству – коней, щит и копьё, **маломощные – колчаны со стрелами и лук** (выделено нами – **Щ.А.**)...»¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что дальнобойное метательное оружие у германцев не пользовалось популярностью. Естественно, что это не могло не наложить отпечатка на их тактику.

Вначале необходимо проанализировать соотношение пехоты и конницы и их роль на поле боя.

В источниках того времени довольно четко отличают «войско» (*exercitus*, *populus* или *manus*), как пешее ополчение свободнорожденных германцев (примечательно, что термины *exercitus*, «войско», и *populus*, «народ», в данном случае совпадают) от «дружины» (франкская *trustis*, англосаксонская *theod*, лангобардская *gesinde*, готская *gasintha*, норвежская *hirdh* и др.), которая предпочитала сражаться в конном строю.

Вне всякого сомнения, в эту эпоху, как отмечал А.И. Сидоров, «...война не являлась исключительной сферой деятельности социальной элиты. В ней принимали участие самые широкие слои населения, включая свободных крестьян ...».¹² Однако,

⁷ См., например: Harrison M. Anglo-Saxon thegn 449-1066... P. 14; Macdowell S. Germanic Warrior... P. 22, 26, 27, 31.

⁸ См., например: Wilcox P. Op.cit. P. 13-14.

⁹ Saga о Харальде Суровом // Снорри Стурлуссон. Круг земной. М., 1995. С. 458.

¹⁰ Так, в языческих захоронениях остатки луков и стрел найдены всего лишь в 2% могил. См.: Harrison M. Anglo-Saxon thegn 449-1066... P. 13. Правда, стоит отметить, что в той же битве при Стэмфордбридже англосаксонские лучники приняли достаточно активное участие, и именно от стрелы, попавшей в горло, пал сам Харальд Суровый. См.: Saga о Харальде Суровом... С. 458-459.

¹¹ См. отрывки капитулярия Айстульфа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/VIII/740-760/Aistulf/edikt.htm>

¹² Сидоров А.И. Каролингские *milites* и *nobiles*: к вопросу о предыстории средневекового европейского рыцарства // Одиссей. 2004. М., 2004. С. 36.

вместе с тем, очевидно и то, что баланс между пешим в своей массе *exercitus* и конным *gefolgschaft* постепенно смещается в сторону последнего (не по численности, конечно, а по значимости и по месту в войске и на поле боя). Конница выдвигается на первый план. Именно она, верная своему господину, мобильная, лучше оснащенная и отличавшаяся более высоким профессионализмом и, как следствие, более высокой боеспособностью, первой вступала в бой и получала большую часть добычи и славы со всеми вытекающими отсюда последствиями¹³.

Изначально германцы не были всадниками и предпочитали сражаться пешими. Однако с началом Великого переселения народов ситуация постепенно менялась. И если, согласно Ф. Кардини, «лесные» германцы в значительной степени продолжали следовать старой традиции сражаться преимущественно пешими, то «степные» германцы успешно осваивают технику конного боя (См., например: *De bello Gotico*. I. 18, 27; IV. 29-32).¹⁴ Например, согласно Григорию Турскому, франки, в отличие от готов, бившихся копьями, предпочитали бой на мечех (*Historia Francorum*. II. 37). Это фразу можно трактовать только как указание на то, что готы («степные» германцы) были всадниками, тогда как франки (германцы «лесные») в массе своей пехотинцами. На это же обстоятельство указывал и Прокопий Кесарийский (*De bello Gotico*. II. 25). Еще один характерный пример – в 478 г. готский вождь Теодерих Страбон обвинил своего тезку, Теодериха, сына Тиудимира в том, что из-за его неразумных действий готы, ранее имевшие каждый по 2-3 лошади, теперь, «не имея ни одной, тащатся за тобой по Фракии **пешие, словно невольники** (выделено нами – **Щ.А.**)...»¹⁵.

Замечательное описание готского тяжеловооруженного всадника, искусно владеющего как конем, так и оружием, оставил Прокопий Кесарийский (*De bello Gotico*. VIII. 31). На искусство, с которым готские всадники владели конем и копьем, указывал и Исидор Севильский в своей «Истории готов» (*Historia gothorum*. 69-70), отмечавший, кстати, что хотя готы могут сражаться как пешими, так и конными, тем не менее, они «...**более всего они доверяют ловкости своих лошадей** (выделено нами – **Щ.А.**)...» (*Historia gothorum*. 69).

Однако, учитывая дороговизну комплекта полной защиты всадника, таких всадников у германцев было, судя по всему, немного. Большую часть их конницы составляли легковооруженные воины, вооруженные щитом, копьем, дротиками и иногда – мечом (См., напр.: *Historia gothorum*. 69. Ср. положения капитулярия Айстульфа). К тому настоящими всадниками, подобно аланам или гуннам, «степные» германцы так и не стали (*Mauricius*. XI. 3. Ср. *De bello Gotico*. IV. 35). Причин на то, на наш взгляд, можно выделить несколько. Во-первых, хороший верховой конь стоил недешево, да и было их немного.¹⁶ Во-вторых, несовершенные седла и узды, а также отсутствие стремян, которые на Западе появилось не ранее 1-й пол. VII в.¹⁷, ограничивало боеспособность всадника. Как писал Ф. Кардини, «...без стремени никакое оружие, колющее или сабельное, не могло сколько-нибудь эффективно применяться

¹³ См. наблюдение Г. Дельбрюка о причинах роста значения конницы в раннем Средневековье: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. II. СПб., 2001. С. 296.

¹⁴ См., например: Диснер Г.-И. Королевство вандалов. СПб., 2002. С. 148-149; Клауде Д. История вестготов. СПб., 2002. С. 60.

¹⁵ Малх Филадельфиец. Фрагм. 17 // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003. С. 190.

¹⁶ Кардини Ф. Истоки рыцарства. Срегенск, 2000. С. 269.

¹⁷ См.: Никоноров В.П. К вопросу о роли стремян в развитии военного дела // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. 2. СПб., 2002. С. 264. При этом В.П. Никоноров отмечал, что «нет никаких оснований утверждать, что они (т.е. стремяна – **Щ.А.**) изначально предназначались для боевого использования. Должно было пройти какое-то время после знакомства со стремянами, прежде чем они становились важным и обязательным предметом экипировки каждого воина-кавалериста. Предшествовавшая этому практика конного боя вовсе не сразу восприняла данное новшество, а, наоборот, как раз стремянам предстояло доказать свою целесообразность на поле брани...».

конным воином...»¹⁸. Всадник, вооруженный копьем и дротиком и недостаточно защищенный¹⁹, не мог совладать с пехотой, держащей строй. Примером тому может служить схватка готских всадников с византийскими пехотинцами, описанная Прокопием (*De bello Gotico*. IV, 29). В-третьих, обучение верховой езде и уверенному владению оружием, сидя в примитивном седле, без стремян, требовало немалого времени и навыков. Позволить себе это могли опять же немногие германцы.

Итак, хотя, с одной стороны, конница превращается в раннем Средневековье в элитарное войско, «войско богатых», с другой — технические и финансовые ограничения сужали сферу ее деятельности и не позволяли ей окончательно оттеснить пехоту на второй план. Пехота остается на поле боя. Следовательно, пренебрежение луком, характерный «героический» этос и наличие как конницы, так и пехоты предполагало и существование соответствующей тактики, свойственной германцам и отличной от той, которой, к примеру, придерживались кочевники, персы или византийцы.

Характеризуя ее особенности, Псевдо-Маврикий в своем «Стратегиконе» писал: «Светловолосые народы... решительно вступают в рукопашную схватку и верхом, и в пешем строю...» (*Mauricius*. XI. 3). Это стремление как можно быстрее сойтись в рукопашную с неприятелем вполне объяснимо. Не имея в достаточном количестве дальнобойного метательного оружия и пренебрегая его применением, германцы должны были стремиться как можно быстрее сблизиться с неприятелем на дистанцию метания дротика или топора с тем, чтобы потом атаковать его с копьем или мечом в руках. Отметим также, что германцы не были склонны к хитроумным тактическим изыскам. Глубокого эшелонирования боевых порядков они не знали, равно как и выделения сколько-нибудь значительных резервов для парирования неожиданных поворотов в ходе сражения или для развития успеха — все вкладывалось в первый удар. Сложные маневры и перестроения на поле боя германцы также производить были неспособны (См., например: *Mauricius*. XI. 3). Да и как их можно было осуществлять с необученным ополчением или с немногочисленными отрядами дружинников, которые представляли собой скорее героев-одиночек Гомера, а не дисциплинированных римских легионеров ранней Империи?

Действуя от обороны, германцы полагались на возводимую пехотой «стену щитов» (древнеангл. *Scildburh*), причем эта традиция долго сохранялась на окраинах германского мира. Достаточно сопоставить два описания боевого порядка. В 1066 г. при Стэмфордбридже войско Тости и Харальда Сурового выглядело как «ряды длинные, но не глубокие, ... щит к щиту во всю глубину строя...», причем дружины Харальда и Тости вместе с лучниками укрылись за этой «стеной».²⁰ Сравним это описание с тем, что приводит Агафий Миринейский, рассказывая о схватке отряда византийской конницы и франкских фуражиров (*Agathius*. I. 21-22).

«Стена щитов» формировалась, судя по всему, из отдельных отрядов воинов, которые создавались, как писал Псевдо-Маврикий, «...по племенам, по родственным и дружеским связям...» (*Mauricius*. XI. 3). При этом, если позволяло время, оборона могла быть усилена примитивной полевой фортификацией — к примеру, волчьими ямами и рвами подобно тому, как это сделали тюринги перед решающим сражением с франками в 524 г. (См.: *Historia Francorum*. III. 7).

Эта «стена» была малоуязвима (что подтверждается, к примеру, опытом сражений при Стэмфордбридже и Гастингсе в 1066 г. и под Аримином в 553 г.) для атак конницы и спорадического обстрела из луков и была надежной опорой боевого порядка, из-за которой немногочисленные лучники германцев могли прицельно об-

¹⁸ Кардини Ф. Указ. соч. С. 264. Правда, сегодня это положение представляется ряду авторов, спорным, исходя из последних реконструкций римских «рогатых» седел, а также находками остатков седел с высокой передней лукой. См., например: Macdowell S. *Germanic Warrior*... P. 21.

¹⁹ Полный доспех стоил слишком дорого и имелся у немногих всадников. См., например: Heath I. *Armies of Dark Ages 600-1066*. Worthing, 1980. P. 16.

²⁰ Сага о Харальде Суровом... С. 456.

стреливать врага (См., например: *De bello Gotico*. IV. 27). О том, что лучников было немного, мы уже писали выше, а о том, что стрельба их была прицельной, косвенно свидетельствует требование каролингского капитулярия, предписывавшего воинам являться на смотр, имея среди прочего оружия лук с двумя тетивами и 12-ю стрелами²¹. Конница или дружинники вождя могли, опираясь на пехоту, перестроиться после неудачной атаки и снова броситься вперед на врага.

Несколько сложнее с наступлением. Традиционно считается, что излюбленным атакующим построением германцев был «клин»-*cuneus* (Описание *cuneus*'а см. у Вегетия: *Vegetius*. III. 19). Однако еще Г. Дельбрюк показал надуманность и нежизнеспособность «клина»²². Скорее всего, готовясь к атаке, германцы выстраивались в глубокую колонну, голову которой формировал вождь и его дружинники.²³ Они, начав движение, вырывались вперед, а хуже вооруженные остальные пехотинцы отставали, тем самым стихийно образуя пресловутый клин²⁴.

Еще больше проблем возникает с тактикой германской конницы. Исходя из археологических данных и свидетельств письменных источников, можно с уверенностью говорить о том, что у германцев, в особенности «степных», благодаря знакомству с тактикой кочевников западной Евразии, конница, судя по всему, чисто формально делилась на тяжелую и легкую. Вернее сказать, тяжеловооруженные всадники у германцев, конечно, были, но тяжелой конницы как отдельного рода войск не было. Полный доспех катафрактария стоил слишком дорого, и варварские короли раннего Средневековья не могли позволить себе роскошь иметь целые подразделения тяжелой конницы. Поэтому вызывает сомнение описанная Х. Вольфрамом картина наличия у Теодориха и его преемников многочисленных остготских катафрактов²⁵. И тот факт, что у Прокопия Кесарийского есть описание готов, служивших в армии Велизария на персидском фронте, не должен нас вводить в заблуждение (*De bello Persico*. II. XVIII. 24). Если готы на византийской службе могли быть катафрактами, то это вовсе не означает, что они были таковыми на службе королей Вестготского или Остготского государств. Скорее всего, как и в случае с пехотой, хорошо вооруженные и защищенные всадники германцев (знать и их ближайшее окружение) составляли первые шеренги пресловутого клина, только на этот раз конного, а менее защищенные и хуже вооруженные – задние ряды.

Складывается впечатление, что перед нами толпа поединщиков в духе гомеровских героев-одиночек, что стремятся любой ценой добыть «себе чести, а князю – славы...»! Отсюда и соответствующая тактика германской конницы – как можно быстрее сблизиться с неприятелем на дистанцию броска дротика или удара копьем, и, выбрав себе противника, вступить с ним в поединок. И как не вспомнить в этом случае Псевдо-Маврикия, который отмечал стремительный характер атак германских воинов и в тоже время отсутствия у них правильного боевого порядка, причем в особенности это было характерно именно для конницы (*Mauricius*. III. 3; XI. 3). Однако если атака не удалась, если противник проявлял упорство, если он отказывался отступить и более того, бежать, то германская конница откатывалась назад, и не факт, что она могла перестроиться и снова вступить в бой (как это случилось, к примеру, в сражении при Буста Галлорум).

²¹ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III. СПб., 1996. С. 21. Для сравнения, английские лучники времен Столетней войны, стрелявшие неприцельно, по площадям и с максимальной скорострельностью, расходили за сражение на порядки больше стрел. По Р. Харди, в битве при Креси в 1346 г. они выпустили ок. 500 тыс. стрел (Уваров Д. Битва при Креси (1346 г.) и военное дело первой фазы Столетней войны (1337-1347 гг.) // Воин. № 13. 2003. С. 16).

²² См.: Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. II. СПб., 2001. С. 30-35.

²³ Не об этом ли говорит описание битвы при Стэмфордбридже? См: Сага о Харальде Суровом... С. 458.

²⁴ См., например: Macdowell S. Germanic Warrior... P. 32, 47; Harrison M. Anglo-saxon thegn... P. 27.

²⁵ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 434-435.

И в заключение отметим интересный взгляд А.К. Нефедкина на обычную тактику германцев. Проанализировав описание столкновения между готами и римлянами при Салиции в 377 г., он пришел к выводу, что это – «... сражение показано как типичная битва между римлянами и готами. Тут все характерные черты сведены воедино. Это – битва-характеристика, а не конкретный бой. Тактика готов выглядит, согласно описанию, следующим образом: сначала готы попытаются захватить высоты на местности, чтобы угрожать римлянам (кстати, именно это сделает и Гарольд при Гастингсе в 1066 г. – **Щ.А.**), однако им это не удалось, затем – полевой бой: противники сходятся, воодушевляя себя криком, строятся в «черепашу» (и эта «черепаша» чрезвычайно похожа на неоднократно упоминавшуюся выше *scildburh* – **Щ.А.** См. также: *De bello Gotico*. IV. 5), сближаются на расстояние броска копья и перестреливаются. В это время отдельные храбрые воины или отряды завязывают рукопашные схватки (Вожди и их дружинники –? См., например, хронику Фредегара: *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii libri quattuor*. 26). Подобная битва длилась весьма долго (на наш взгляд, противоречия между выводом А.К. Нефедкина и указаниями Маврикия, что были приведены выше, нет – основная масса германских воинов, тот самый *exercitus*, могла долго перестреливаться с аналогичным неприятелем, тогда как отборные воины, руководствуясь героическим этосом, должны были стремиться к рукопашной схватке, в которой они могли проявить свои бойцовские качества, смелость и героизм и, как следствие, заслужить славу, почет и награды вождей)...».²⁶ Учитывая присущий средневековому обществу консерватизм и стремление следовать традиции, можно предположить, что многие черты этой «обычной» тактики не только у готов, но и у других варварских племен раннего Средневековья, будут сохраняться еще достаточно долго.

Анализ особенностей развития военного дела германцев раннего Средневековья, наводит на мысль о существовании определенных черт сходства с аналогичными процессами у соседей германцев – славян, в т.ч. и восточных. Учитывая наличие определенных черт сходства в историческом развитии германцев и славян в раннем Средневековье, такие аналогии отнюдь не представляются невозможными. Поэтому опыт изучения развития военного дела раннесредневековых германцев представляет большой интерес, так как источников, связанных с описанием военного дела славян раннего Средневековья, сохранилось немного и сопоставление известий об этой стороне жизни германцев и славян может оказать немалую услугу в изучении военного дела славян.

WEAPON AND TACTICS OF THE BARBAROUS PEOPLE OF THE WESTERN EUROPE IN EARLY MIDDLE AGES

A.N. SHCHENDRYGIN

Belgorod State University

e-mail: silence_era@mail.ru

This article is devoted to the questions connected with development of the weapon and tactics of barbarous people of the Western Europe in early Middle Ages, what is insufficiently studied in Russian historiography. This article is one of the first attempts in the modern Russian historical literature to give complete representation of features of these major aspects of warfare of Germans of 2nd half of 1st thousand AD, to show their interrelation and interdependence.

Key words: Europe in early Middle Ages, history of the warfare, the German people of early Middle Ages.

²⁶ Нефедкин А.К. Тактика готов IV века на примере битвы при Салиции (377 г.) // Воин. 2002. № 9. С. 11.